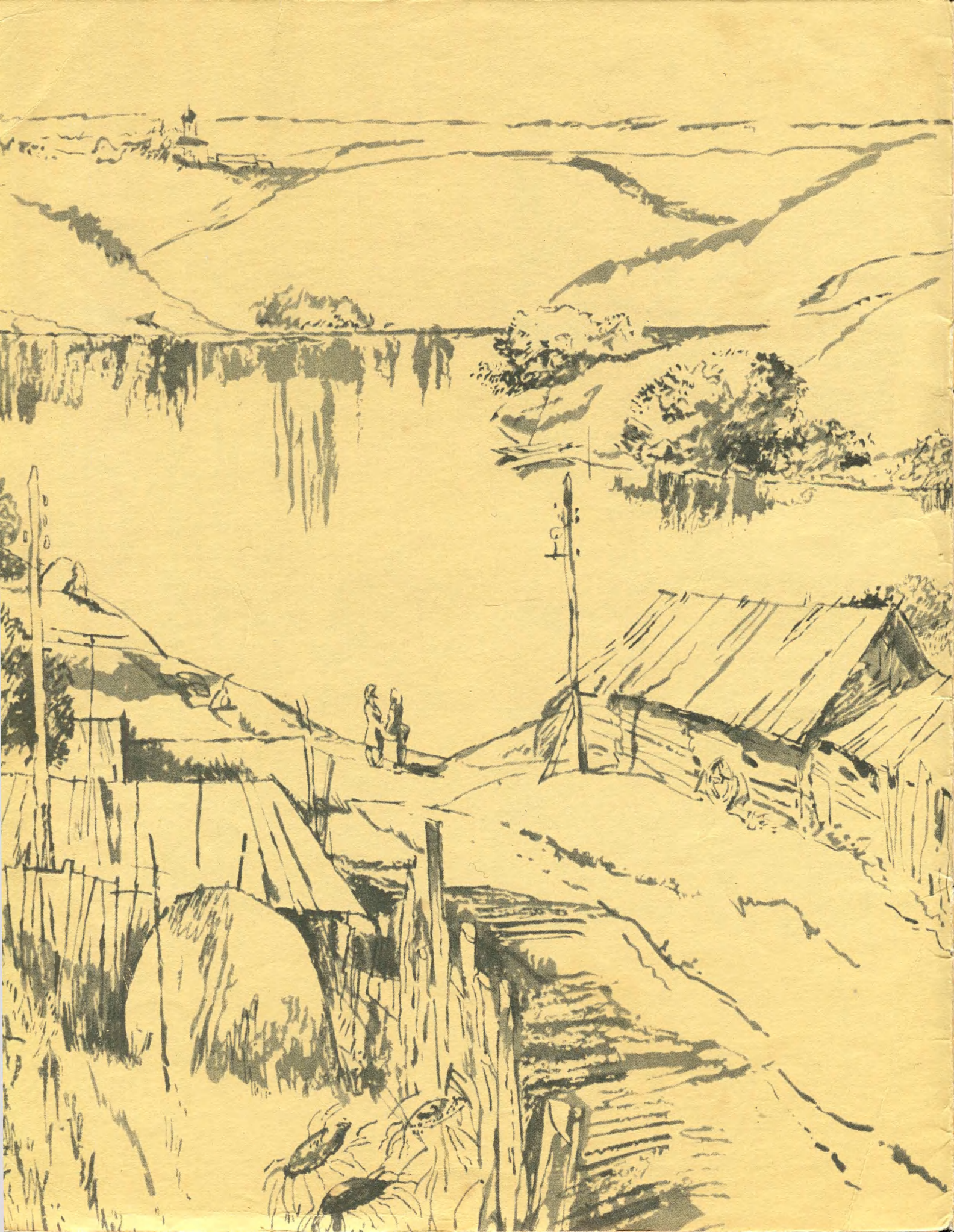

К. П А У С Т О В С К И Й

КВАКША

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“ • 1976

✻ ара стояла над землёй уже месяц. Взрослые говорили, что эту жару даже видно.

— Как это можно увидеть жару? — спрашивала всех Таня.

Тане было пять лет, и потому она каждый день узнавала от взрослых много новых интересных вещей. Действительно, можно было поверить дяде Глебу, что «сколько ни проживёшь на свете, хоть триста лет, а всего не узнаешь».

— Пойдём наверх, я тебе покажу жару, — сказал Глеб. — Оттуда лучше видно.

Таня вскарабкалась по крутой лестнице на мезонин. Там было светло и жарко от нагретой крыши. Ветки старого клёна упрямо лезли в окна. На мезонине был балкон с резными перилами. Глеб показал Тане с балкона на луга и на дальний лес.

— Видишь жёлтый дым? Как от самовара. И весь воздух дрожит. Это и есть жара. Всё можно увидеть человеческим глазом. И жару и холод, что хочешь.

— А холод, когда снег? — спросила Таня.

— Нет. Даже летом можно его увидеть. Вот будут прохладные дни, тогда я тебе покажу, как он выглядит.

— А как?

— Небо вечером бывает зелёное, как мокрая трава. Холодное небо.

Пока же стояла жара, и больше всех от неё страдала маленькая лягушка. Она жила во дворе под кустом бузины.

Двор так раскалялся от солнца, что днём всё живое пряталось. Даже муравьи не решались выбежать из подземных своих муравейников, а терпеливо дожидались вечера. Только одни кузнечики не боялись жары. Чем горячее был день, тем выше они прыгали и громче трещали.

Однажды лягушка нашла щель под дверью в каменный погреб и с тех пор все дни просиживала сонная в погребе, на холодном кирпичном полу.

Когда наша молоденькая родственница Ариша спускалась в погреб за молоком, лягушка прыгала в сторону и пряталась за разбитый цветочный горшок. Ариша каждый раз пронзительно вскрикивала.

По вечерам лягушка вылезала во двор и осторожно пробиралась в тот угол, где на клумбе распускался к ночи табак и росли астры. Цветы каждый вечер поливали из лейки. Поэтому на клумбе можно было дышать, — от политой земли тянуло сыростью, а с пахучих белых цветов табака падали на голову холодные капли.

Лягушка сидела в темноте, таращила глаза и ждала, когда люди перестанут ходить, разговаривать, звенеть стаканами и, наконец, прикрутят лампы, задуют их, и дом сразу делается тёмным и таинственным.

Тогда можно будет немного попрыгать по клумбе, пожевать листья астр, потрогать уснувшего шмеля, чтобы он не храпел во сне.

А потом прокашляются и закричат по всем дворам петухи и придёт полночь — самое хорошее время. Может быть, даже упадёт роса, и в мокрой траве заблестят звёзды. Ночь будет тянуться долго, тихая и прохладная, и в лугах загудит нелюдимая птица выпь.

Дядя Глеб был рыболовом. Каждый вечер он убирал со стола скатерть, осторожно высыпал из разных коробочек бронзовые крючки, круглые свинцовые грузила и прозрачные лески и начинал чинить свои удочки. Тогда Тане не разрешалось подходить к столу, чтобы какой-нибудь «мушиный» крючок не вцепился ей в палец.

Когда Глеб чинил удочки, он всегда напевал одно и то же:

Сидел рыбак весёлый
На берегу реки,
А перед ним по ветру
Качались тростники.

Но в это лето Глебу пришлось туго — из-за засухи пропали черви. Даже самые шустрые мальчишки отказывались их копать.

Глеб пришёл в отчаяние и написал на воротах дома огромными белыми буквами:

«ЗДЕСЬ ПРОИЗВОДИТСЯ СКУПКА
ЧЕРВЕЙ У НАСЕЛЕНИЯ»

Но это не помогло. Прохожие останавливались, читали надпись, с восхищением качали головами: «Ну и хитрый же человек, чего написал!» — и шли дальше. А на второй день какой-то мальчишка приписал внизу такими же огромными буквами:

«В ОБМЕН НА КАРТОФЕЛЬНОЕ ВАРЕНЬЕ»

Пришлось надпись стереть.

Глеб начал ходить за три километра в овраг, где под кучами щепок можно было накопать за час десятка два червей.

Глеб их берёт, будто эти черви были золотые: перекладывал сырым мхом, завязывал банку с червями марлей и держал её в погребе.

Там-то их и отыскала маленькая лягушка. Она долго трудилась, пока стащила марлю, потом залезла в банку и начала есть червей. Она так увлеклась, что не заметила, как в погреб спустился Глеб. Он вытащил её из банки за задние лапки и вынес во двор. Там Таня кормила злую чёрную курицу.

— Вот! — сказал Глеб грозным голосом. — Человек трудится в поте лица, чтобы нарыть хоть десятков червей, а лягушка их ворует. И даже научилась развязывать марлю. Придётся её проучить.

— Как? — спросила Таня, а курица искоса посмотрела на лягушку прищуренным глазом.

— Отдать её на съедение курице.

Лягушка отчаянно задргала лапками, но вырваться ей не удалось. Курица взъерошилась, взлетела и чуть было не вырвала лягушку у Глеба.

— Не смей!—закричала Таня на курицу и заплакала.

Курица отбежала в сторону, поджала лапу и стала ждать, что будет дальше.

— Дядя Глеб, зачем же её убивать? Дай её мне!

— Чтобы она опять воровала?

— Нет. Я её посажу в стеклянную банку и буду кормить. Разве тебе самому её не жалко?

— Ну ладно, — согласился Глеб. — Бери, так и быть. Ни за что бы я её не простил, если бы ты не заступилась. И если бы это была обыкновенная лягушка.

— А разве она не обыкновенная? — спросила Таня и перестала плакать.

— А разве ты не видишь? Это древесная лягушка, квакша. Она замечательно предсказывает дождь.

— Вот она нам его и предскажет, — с облегчением вздохнула Таня и скороговоркой повторила слова, которые каждый день слышала от плотника

Игната: — Дождик, ой как нужен! А то хлебá и огороды посохнут, и тогда не миновать беды!

Глеб отдал лягушку Тане. Она посадила её в банку с травой и поставила на подоконник.

— Веточку нужно какую-нибудь засунуть в банку, — посоветовал Глеб.

— Зачем?

— Когда она влезет на веточку и начнёт квакать, значит, будет дождь.

А дождя всё не было. Лягушка, сидя в банке, слушала разговоры людей.

Люди очень тревожились оттого, что стояла засуха. Отец Тани — агроном — боялся, как бы не сгорел на корню хлеб. Однажды лягушка видела из своей банки, как Таня стояла за окном около высохшего куста малины, трогала почерневшие, ломкие листья и плакала.

Лягушке очень хотелось сделать для своей спасительницы Тани что-нибудь хорошее и больше всего — накликать дождь. Обыкновенно перед дождём лягушке становилось трудно дышать, она влезала куда-нибудь повыше на ветку и начинала квакать. От этого ей делалось легче.

Но сейчас, сколько лягушка ни старалась заставить себя трудно дышать, ничего из этого не получалось.

Лягушка даже похудела от огорчения и, сидя в банке, забивалась в угол и прикрывала глаза.

Но однажды поздней ночью лягушка почувствовала удушье, хотя небо было чистое и горело множество звёзд.

Лягушка зашевелилась, поползла вверх по ветке и неуверенно квакнула. Сразу же стало легче дышать.

«Неужели будет дождь?» — подумала лягушка и квакнула громче.

Никто не проснулся. Тогда она квакнула ещё громче, потом ещё и ещё, и вскоре её кваканье заполнило все комнаты, стало слышно в саду, по всей деревне, и в ответ на него сразу всполошились и заорали петухи. Они старались перекричать друг друга, срывали голоса, сипли и снова орали, неистово хлопая крыльями. Они подняли такой гомон, что со сна можно было подумать, будто в деревне пожар.

Тогда в доме все сразу проснулись.

— Что случилось? — спросила Таня спросонок.

— Дождь будет! Дождь! — ответил ей из соседней комнаты отец. — Слышишь, квакша кричит? Верная примета.

Глеб вошёл со свечой в комнату к Тане и осветил на банку с лягушкой.

— Ну, таки есть! — сказал он. — Так я и думал!

Квакша влезла на ветку и кричит, надрывается. Даже позеленела от натуги.

Утро пришло безоблачное. Но часам к десяти далеко на западе громыхнул и рассыпался по полям первый гром.

Колхозники вышли на обрыв над рекой и смотрели на запад, прикрыв глаза ладонями. Ребята полезли на крыши. Ариша начала подставлять под все водосточные трубы лоханки и вёдра. Отец Тани каждую минуту выходил во двор, смотрел на небо, прислушивался и всё повторял: «Лишь бы не мимо! Лишь бы захватила нас эта гроза!» Таня ходила следом за ним и тоже прислушивалась.

Гром подходил всё ближе. Его раскаты стали торжественнее и шире. На западе поднялась чёрная

туча. Глеб спешно собирал свои удочки и смазывал сапоги, — после грозы должен был начаться, по его словам, бешеный клёв.

Потом в воздухе запахло свежестью дождя. Сад тихонько зашумел листвой. Туча придвинулась, и весёлая молния как бы разорвала во всю глубину огромное небо.

Первая капля дождя звонко ударила по железной крыше. Тотчас стало так тихо, будто все прислушивались к этому звуку и затаив дыхание ждали второй капли. Сам дождь тоже прислушивался и соображал, правильно ли он уронил эту первую пробную каплю. Помедлив, он решил, что правильно, потому что вдруг сразу сорвался и загрохотал по крыше тысячами капель. За окнами полились-заблестели струи дождя.

Когда грохот дождя по крыше перешёл в ровный и спокойный гул, Таня выпустила лягушку из банки в свежий и шумный сад. Там трава и листья качались от ударов дождя.

Таня осторожно погладила лягушку по маленькой холодной голове и сказала:

— Ну, спасибо тебе, что накликала дождь! Ты живи теперь спокойно. Тебя никто не тронет.

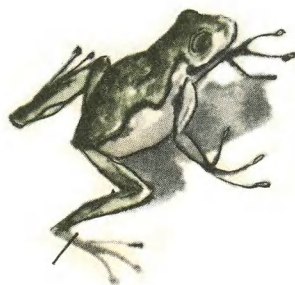
Лягушка посмотрела на Таню и ничего не ответила. Она не могла выговорить на человеческом языке ни одного слова, а умела только квакать. Но во взгляде её была такая преданность, что Таня ещё раз погладила её по голове.

С тех пор лягушку никто не трогал. Ариша перестала взвизгивать, когда встречалась с ней, а Глеб каждый день откладывал для неё из своей заветной «червивой» банки несколько лучших червей.

А вокруг густо заколосились хлеба, политые дождём, засверкали от света сырые сады и огороды, запахло буйным укропом. И рыба начала клевать так жадно, что каждый день обрывала у Глеба крючки.

Таня бегала по саду и играла в прятки с лягушкой. Любопытные паучки спускались с веток на невидимых паутинках, чтобы узнать, почему в саду столько возни и смеха. Узнав, в чём дело, они успокаивались, сматывали свои паутинки в серые шарики, маленькие, как булавочные головки, и засыпали в тёплой тени листьев.

Для старшего дошкольного возраста

Константин Георгиевич Паустовский

К В А К Ш А

Художник В. Гальдяев

Редактор Е. Рыжова. Художественный редактор Д. Пчёлкина.
Технический редактор Е. Соколова. Корректор С. Бланкштейн.
Сдано в производство 7.X.75 г. Подписано к печати 27.I.76 г.
60×90/8. офс. № 1. Усл. печ. л. 2,5. Уч.-изд. л. 1,82. Тираж 500 000.
Изд. № 829. Заказ № 904. Цена 16 коп.

Издательство «Малыш»
Москва, К-55, Бутырский вал, 68.

Калининский полиграфкомбинат детской литературы
им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома
Госкомиздата Совета Министров РСФСР
Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

© илл. Издательство «Малыш» • 1976 • Москва

П $\frac{70801-082}{M102(03)-76}$ 85-76